

Щегр Салтыков

Как цари
в народ
ходили

Щедр Салтыков

Как цари в народ ходили

«Э.РА»

2016

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Салтыков Щ.

Как цари в народ ходили / Щ. Салтыков — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-241-6

«Как цари в народ ходили» Щедра Салтыкова, как и другие произведения категории «современная русская литература», характеризуется слиянием различных жанров и демонстрирует эффектный русский язык. В них всегда рассматриваются жизненно важные проблемы и присутствуют яркие герои. От автора:... Президент России возвращается из визита в Японию. Борт №1 терпит катастрофу в предгорьях Сибири в результате воздействия НЛО. Оставшиеся в живых люди показывают весь свой внутренний мир по отношению к друг другу и к окружающему миру во всей красе...

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-00039-241-6

© Салтыков Щ., 2016
© Э.РА, 2016

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	14
Глава V	16
Глава VI	18
Глава VII	19
Глава VIII	21
Глава IX	22
Глава X	23
Глава XI	24
Глава XII	27
Глава XIII	30
Глава XIV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Щедр Салтыков

Как цари в народ ходили

Были б живы господа – слуги им всегда найдутся.
(от автора)

Уважаемый читатель!

В этом произведении автор не углубляется во временные, технические и лингвистические подробности, дабы не утрудять Ваше чтение и не отвлекать от сути лишней информацией.

Сходство героев произведения с реальными персонами является случайным.

Автор также сознательно не стал раскрывать черты характера многих персонажей, поскольку одни из них – это типичные представители своего времени, другие же этого просто не заслужили.

(от автора)

Глава I

Ранней осенью тысяча девятьсот девяносто девятого года личный самолет президента России Березкина Николая Николаевича, легко разбежавшись по взлетной полосе Токийского Международного аэропорта «Ханеда» взмыл вверх, поднялся над облаками и, лаская слух работой мощных двигателей, взял курс на Москву.

Официальный визит Главы Российского Государства в Страну Восходящего Солнца в преддверии Миллениума завершился.

Увиденное в Японии просто потрясло всех участников этой поездки, поэтому в обоих салонах огромного авиалайнера царил невообразимое оживление. Все пассажиры делились друг с другом своими впечатлениями, фотографиями, сувенирами. Казалось, что говорили все сразу, поэтому стоял такой гвалт, который не затихал ни на минуту.

Все – это примерно сто пятьдесят человек: взрослые голоса вперемешку с детскими; мужские – с женскими.

В отдельном кабинете, на втором этаже, в небольшом кожаном кресле, удобно и вальяжно усевшись, взирал на этот людской муравейник Президент. Казалось, что он ничего не слышит и смотрит как бы сквозь.

Он устал. Визит был долгим и непростым. В голове все смешалось: люди, машины, поездки, речи...

Очнувшись, перевел взгляд в зал. На одном из ближайших кресел увидел супругу. Та, укрывшись пледом, кажется, готовилась ко сну. Фаина Степановна поймала его взгляд и показала жестом, соединив ладони: мол, приляг, отдохни. Он, повинувшись, кивнул. Успокоившись, она, удобнее устроившись в ложе, тут же уснула.

У входа в кабинет появилась миловидная стюардесса. Тихо, но четко произнесла:

– Николай Николаевич... Как вы просили.

Со стоявшей рядом тележки она быстро и аккуратно поставила на дубовый стол бутылку «Столичной», стакан и много разных закусок. Обернув в салфетку бутылку, налила в стакан немного водки. Не переставая улыбаться, произнесла:

– Прошу Вас, Николай Николаевич. Потом, сделав паузу, добавила:

– Что-нибудь еще?

– Нет, мне кажется, на сегодня хватит, – сказал он устало и жестом отпустил девушку.

Та вышла из кабинета, прикрыла стеклянную дверцу, отделяющую кабинет от зала и, грациозно, как умеют, наверное, только стюардессы, пошла через весь салон к выходу из верхнего яруса лайнера к нижнему, чувствуя спиной взгляды мужчин – ближайших соратников Президента и... завистливые взгляды их жен.

Николай Николаевич какое-то время тоже смотрел ей вслед. «Хороша!» – мелькнуло в голове.

Потом перевел все-таки взгляд на стол и усмехнулся: «Кто их, чертей, научил так водку наливать?» Взял бутылку и долил в стакан до краев. Резко выдохнул. Выпил. Выдохнул еще раз: протяжно, с чувством. Закусил бутербродом с икрой. «Ух. Хорошо пошла! На пользу, значит, – подумал он. – Аж слезы навернулись».

Вытирая их ладонью, вдруг заметил какой-то блеск чуть поодаль, у стены. «Что это?.. А-а-а!.. Подарок Премьера Накамуры. Даже не его, а лично «Их Императорского Величества»» кажется, вспомнил он, пристально вглядываясь в искусно сделанную вещь.

На специальной подставке, на полке над телевизором, стоящем на полу, лежал самурайский меч. Строгие черты орнамента на рукояти и ножнах, темная вороненая раскраска гипнотически притягивали взгляд. Его даже не хотелось как-то взять в руки, вынуть из ножен, взмахнуть, сверкнув молнией каленого клинка, разрубая воздух. На него хотелось просто смотреть.

От его грозного вида исходило что-то далекое, философское, неведомое... Казалось, что это и была сама Япония: с ее древней историей, с ее мощью сегодняшней.

«Черт! Как его Накамура-то называл? Таками, что ли? Забыл!» – вдруг очнулся он от охватывающей было его неги. Николай Николаевич присмотрелся еще раз. Теперь он отчетливо видел тот блеск и откуда он исходит.

Накатили воспоминания...

Процедура приема у Премьера Накамуры. Как всегда в таких случаях – много речей, тостов и т. д. Все у них как-то солидно, строго, даже жестко. Движения все отточены. Даже кланяются все как-то одинаково: миллиметр в миллиметр, градус в градус. Та-ак... Потом вся эта болтовня, весь этот дипломатический этикет кончился, слава Богу... Дальше?.. Дальше: принесли ему меч. Накамура взял его крепко за рукоять и за ножны, вынул клинок из ножен почти полностью. Потом крикнул что-то гортанное (Ох и мастаки они орать!) Та-ак, так... Так. Хитрый самурай! Все с намеком делает! Обнажив меч, видно, хотел показать, какие они сильные. А в ножны потом не до конца его вложил – вот он, блеск-то у меня в кабинете откуда! Вот так мол, русские! У нас еще не все сказано друг другу; не все между нами гладко».

Потом почему-то начал вспоминать весь визит с самого начала.

Сразу повез могилы наших воинов Русско-японской войны показывать. Ухожены. Ничего не скажешь: хорошо, аккуратно все. Батюшка тамошний и наш Патриарх Арсений совместную службу провели. Все чинно, как и полагается в таких случаях. Дальше?.. А дальше начал чудеса ихние демонстрировать. Мы аж рты разинули! Ох и работающие же они, черти узкоглазые! Все у них как-то отлажено, четко, добротнo получается. Умно: все отмерено до миллиметра, до секунды. Из ничего сто один процент пользы выжмут. Ну и народ!

Вдруг на Березкина повеяло Россией...

«Народ!.. А наш! Только бунтовать да водку хлестать умеет! Вся история – сплошная резня. Пьет, гуляет да дерется. Умнейшие, бывало, люди им правили, а ему хоть бы что! Вот и пойми его! Та-ак, о чем это я? Что дальше-то было?

А-а... Плавно последней войны коснулся: мол, пора бы и мир уже заключить. Потом Курилы тронул... Стоп! А-а-а! Намек прост: они нам помогут подняться немного экономически, а мы им за это мирный договор, а потом и Курилы. Хитрецы! Кого надуть хотите?! У нас в России любой школьник знает, что им не мир нужен, а Южные Курилы. А к островам по всем мировым законам и правилам положена двухсотмильная морская зона вокруг. А зона эта тогда влезет в Охотское море. А море это самое богатое морепродуктами в мире. И тогда они уж там развернутся!.. Хрен вам!..

Я уж им так не сказал, конечно. Мол, подумать надо, подсчитать все. Хотя горячих голов и у нас хватает. Говорят: «Давайте отдадим. А они наши магазины за это заполняют». Не-ет. Пусть эти азиаты надеются. Потянем немножко время. А в случае чего они в резкую оппозицию нам не встанут. Политика, брат!

Налил еще водки; взял кружочек лимона в сахаре и поднес ко рту стакан. Вдруг опустил выпивку и усмехнулся: «Нет, не все у них хорошо! Телевизор вот, “Сони”, что ли (присмотрелся на блестящие буквы под кинескопом), хороший. А вот водка ихняя сакэ – дрянь! Слабая... У нас вода из кранов в домах и то крепче течет!»

Резко опустошив второй стакан, сморщился. Потом выдохнул: «У-у-х!» – и закусил лимоном. Потянуло в сон. Сладко и протяжно зевнув, глянул на меч и снова задумался, пытаясь отогнать слабость, сопутствующую надвигающейся ночи.

«Оттяпали они у Николая-царя Сахалин, Курилы и на материке вроде кое-что. А все почему? Слабый он был. Семью свою, особенно Александру, жену, любил. Слушался всех подряд. Всяких дармоедов хитрож...х типа Распутина. Так Россию-матушку и прозевал, а народ развратил. И что в итоге? Сам и загремел вместе с семьей под топор народного гнева. Два

поражения подряд: сначала японцам, затем и немцам в Первую мировую – такое не прощается. Слабаков над собой народ не любит.

А я так думаю. Если взялся такой громадиной, как Россия, управлять, то ты должен быть один. Всегда и во всем. Сам – бог, сам – царь. Иван Грозный никому не доверял, а вон как Россию размахнул – до самого Тихого океана! Опять же Петр Великий. Да что далеко-то ходить: Ленин, Сталин. Коммунисты, то есть. Вон как все в мире перевернули. Крутехоньки были. Сопли не распускали и другим не давали. То ли люди были такие, то ли время такое выпало им? Настоящие были, идейные! Весь мир заставили себя уважать и... трепетать. В такие лихолетья вытянули страну из руин! Народу, правда, положили немеряно. Что народ?! Главное – идея! А людишек бабы нарожают... Сильны были, черти!

Один вот только затесался среди них какой-то не такой. Комбайнер этот ставропольский. Прославиться на весь мир захотел. Имя себе сделать. Стену в Берлине снес – ему за это Нобелевскую премию Мира. Запад в ладоши хлопает: «Мо-ло-дец!», а этот не унимается. Варшавский Договор развалил: «Мо-ло-дец!!» На старых партийцев, выкормивших его, попер: «Мо-ло-дец!!!» А как они на него, так в штаны сразу и наложил. В Форосе... С самолета в Москве сходил – как мумия! Даже жинка его сама не своя. Бывало, лезла наперед него всюду. А тут притихла, сгорбилась вся. Ведьма ведьмой!

Ничего народу не дал, кроме болтовни своей. Цельными днями по телевизору и по радио трещал. Болтун! А когда Чернобыль ухнул, так и Союз затрещал по швам. Все один к одному. Интересная штука жизнь! На западе все его любят и уважают. А дома, в России, ненавидят всей душой. Чудно!

Я не такой. Я главное сделал: Россию сохранил. Коммунистов скинул. Народу свободу дал, демократию. Вдохнул народ свободно. Полной грудью, после стольких лет рабства. Свобода – это лучшее лекарство от всех бед.

Даже в кино я где-то слышал. Один так и сказал: что, мол, лучше быть голодным, холодным, но свободным, чем сытым рабом. Спартак его звали, кажется?

Горбачева скоро забудут. А меня будут помнить долго. Вот только Кавказ немного успокою; сепаратистов этих приструню. И все у нас будет, как они там, за бугром, говорят: «О кей!» А потом... Глядишь, и в историю обо мне напишут. А что? Написано же там про всяких князей, царей да императоров, про вождей разных... И вдруг: Президент Всея Руси Николай Березкин! Меня же называют так эти», – кое-как приподнявшись с кресла и отодвинув дверцу кабинета, посмотрел в салон. Постояв пару минут, плюхнулся в кресло.

«Вот она, вся моя Президентская Рать! Кого здесь только нет! Правительство, министры, замы, чиновники пониже рангом. Все с женами, детьми. Даже с внуками. Охрана, обслуга – полно! В лицо-то всех не знаю. Целый самолет; в целых два этажа набились. Надоела им Москва. Решил я их в Японию свозить. Ладно уж! Вот если бы надо было в Урюпинск какой-нибудь лететь, то тыщу причин нашли бы, чтобы в столице остаться. А за границу – уговаривать не надо!.. Пусть. Свои же люди. Ишь как резвятся. Веселые все, радостные. Не всех еще и взял. А интересно, кто в Москве-то у нас остался? На кого страну-то оставили?! А вдруг... Да нет. Тихо сейчас. Кругом все в друзья лезут – хоть в очередь ставь! Даже американцы. Не посмеют, нет. Они меня уважают. Побаиваются даже. Я им давеча в Америке такое устроил! До сих пор не поймут: что у меня на уме? Чего от меня ждать можно? Держава-то у меня все-таки ядерная! Ядреная!» – усмехнулся он.

Увидев живо беседующего с кем-то премьер-министра Чернова и перехватив на секунду его взгляд, Президент поманил его пальцем к себе. Виктор Петрович резко прервал беседу и, не мешкая, предстал перед Березкиным.

– Звали, Николай Николаевич? – как-то в полупоклоне произнес он.

– Виктор Петрович, – глядя в упор, произнес Президент. – А кто у нас в Москве-то остался? Мы вроде бы все здесь.

Чернов обернулся... Долго рассматривал людей из близкого окружения Президента... Потом, виновато потупив взгляд, покраснев, поняв, что что-то не сходится, произнес:

– Все в порядке, Николай Николаевич. Все... Все под контролем.

Президент сдвинул брови, отчего премьер весь съежился и лицо его пошло пятнами. Зная крутой нрав главы государства, Виктор Петрович сразу почувствовал недоброе. На своем веку он уже не раз видел, как слетают с высоких постов и теряют портфели высокопоставленные чиновники.

– Выпьешь? – вдруг, протяжно зевнув, спросил Президент и указал рукой:

– Сядь.

– Можно, – не своим голосом ответил Премьер. Отказываться в такой ситуации было нелепо. И он сел напротив.

– Налей, выпей... Успокойся, – уже мягче произнес Березкин.

Виктор Петрович, волнуясь, налил полстакана водки. Потом, поперхнувшись и облившись, кое-как выпил.

– Даже... Даже как-то забыл сказать «Ваше здоровье!», Николай Николаевич.

– Да ладно. Ладно, – успокоил его Президент. – Иди.

Чернов вышел, прикрыв за собой дверцу, и сразу же как будто растворился, исчез среди кресел.

«Что это я перед ним как... как? – подумал Премьер, усевшись в удобное сиденье. – Где-нибудь в Кремле, да один на один, все было бы по-другому». (Чернов был одним из богатейших и влиятельных людей России.) Там он ему быстро сказал бы пару ласковых выражений и указал бы ему на его место. На место в ИХ обществе. Но здесь, при людях, при подчиненных, было нельзя. Здесь уже все иначе. Здесь так принято, так устроено. С этим все давно свыклись; с этим все жили: Наверху должен быть только один! Никаких компромиссов! Точка! Все. Ничего не было. Летим дальше.

За стеклами иллюминаторов засветлело. Высыпали звезды. Налилась желто-белым светом Луна. Было как-то тихо и торжественно.

«Небесный Пастух пасет облака...» Возможно, от такой же красотищи навеяло когда-то Виктору Цою (автору и исполнителю, лидеру группы «Кино»).

Лайнер, нежно посвистывая турбинами, быстро приближался к воздушной границе России. Самолеты сопровождения Японских Сил Самообороны, качнув, прощаясь, крыльями, «свалились» в темную бездну облаков и направились обратно в сторону своих островов. Около президентского борта остались только наши МИГи.

Оживление, царившее внутри лайнера каких-то полчаса тому назад, стало стихать. Ходьба по салонам прекратилась.

Разговоры постепенно перешли в тихие беседы шепотом и полупшепотом. Многие уже спали. Стюардессы ходили между кресел, складывали посуду в тележки, раздавали желающим газеты и журналы, помогали укладываться спать. Включилось дежурное освещение. Ночь постепенно входила в свои права.

Ольга Николаевна, дочь Президента, уложила спать двух своих дочек-близняшек, подошла к уже давно спящей матери и, поправив на ней полусползший плед, вошла в кабинет отца. Тот уже было задремал, но, увидев дочь, взбодрился:

– А-а, Оленька. Что, не спится?

– Да вот, зашла пожелать тебе спокойной ночи, – ответила та.

– Как там мои внучки? Спят уже, наверное? Десятый сон видят?

– Еле уgomонились. Набрали в Японии этих электронных безделушек – не оторвешь от них! А что дома-то будет?! Об этом лучше и не думать. Учебу не забросили бы.

– Ничего. Что-нибудь придумаем. Мать-то что? Спит?

– Да, спит. Набегалась, бедняжка, за целый день. А ноги-то уже не те.

– Стареем помаленьку. А зять мой где? Что-то не заходит.

– Сергей в шахматы с компьютером играл. Проиграл, кажется. Потом выпил немного с Фроловым (Министром рыбной и рыбоперерабатывающей промышленности), и оба спят теперь рядышком. Я уж не стала их будить.

– Правильно сделала.

Ольга постояла еще немного, нежно глядя на отца. Потом заторопилась.

– Ну, я пойду, папа. Глаза уже слипаются – сил нет.

– Иди. Спасибо, что зашла. – Он обнял ее, поцеловал в лоб и проводил. Дочь он любил. Единственная все-таки. Глядя уже сонными глазами ей вслед, подумал: «Сильная женщина! Характер упрямый, железный. Чего хочет, добьется! За короткое время огромный капитал сколотила. И муж при деле. Я ей помог, конечно. Не без этого. Но все равно умна чертовски! Молодец. Молодец... моло...мо...».

Глава II

Темное небо будто треснуло и разверзлось. Казалось, что кто-то огромный и невероятно сильный, как герой древнегреческого эпоса Атлант, схватив крепкими огромными руками черную мантию небосвода, рванул ее с силой в разные стороны. В образовавшуюся брешь ворвался невиданный по яркости и интенсивности свет. Резко. Как будто кто-то включил мощный прожектор. Даже не прожектор – лазер.

В тот же миг что-то огромное, непонятной формы, без строгих очертаний контура, рассыпая вокруг себя на огромные расстояния изумрудно-серебристые частицы, пронеслось сверху вниз километрах в двадцати – двадцати пяти по курсу авиалайнера.

Было похоже на то, что началась сильнейшая гроза и сверкнула мощнейшая молния. Поэтому выдавшие виды пилоты самолета не сразу поняли, что бы это могло быть. Ведь летели-то они высоко над облаками, а сверкнуло высоко над ними.

В кабину пилотов лайнера ворвался ослепительный свет, такой яркий и плотный, что, казалось, самолет приблизился к Солнцу. Мигом позже то же самое ощутили и обитатели нижнего пассажирского отсека.

Все от неожиданности затихли, как-то резко, на вздохе. Так бывает, когда человек впервые собирается окунуться в прорубь морозной зимой: наберет в грудь воздуха, задержит дыхание и, сначала широко раскрыв глаза, потом, резко закрыв их, крепко сжав губы, окунается в ледяную воду...

Проснулись даже те, кто уже давно и крепко спал. И стали озираться по сторонам. Потом будто все разом выдохнули: «У— ух!» И... О, ужас! Кроме изумрудно-серебристого света, заполнившего все вокруг, никто ничего не видел.

Началось что-то невообразимое, граничащее с паникой. Почему граничащее? Это и была настоящая паника!

Многие повскакивали с мест и начали метаться по салону, натываясь на все, что попало на их пути. Кто-то сидел, закрыв лицо ладонями, но убрав их, он ничего не видел и начал причитать. Дети стали плакать и тереть глаза руками. Женщины завизжали и завыли, сдавленно, от охватившего их ужаса и бессилия. Слышались ругань и мат. Под ногами что-то хрустело и хлюпало. Запахи спиртного, косметики и прочего заполнили все вокруг. Люди стали падать, запутываясь в одеялах, вещах, сталкиваясь друг с другом. Появились сильно ушибленные и травмированные. Хаос продолжался. Отовсюду слышалось.

– Что происходит?

– Я ничего не вижу.

– Не плачь. Успокойся, пожалуйста.

– Господи, я, кажется, сломал ногу.

– Выпустите меня отсюда! Я не хочу! Я не хочу...

– Почему не сажают самолет?

– Где Президент? Что с ним? Надо же что-то делать.

– Это же невыносимо, черт побери...

– Мама, мамочка...

В этой какофонии бедняжки стюардессы, не менее других ошарашенные и ослепленные произошедшим, повинувшись своему долгу, взяв себя в руки, насколько это было возможно в это время, всеми силами, как могли, старались успокоить людей, навести хотя бы какой-то порядок.

Старшая стюардесса, потирая глаза салфеткой, на ощупь пробралась в кабину пилотов и, обращаясь к командиру экипажа и стараясь держать себя в руках, спросила:

– Геннадий Сергеевич, что происходит? Я ничего не вижу... Какие будут дальнейшие указания?

Немного помолчав, добавила:

– Ситуация постепенно выходит из-под контроля. Люди в отчаянном положении.

– Наташа! Наташенька, – взволнованно, но, стараясь держать себя в руках, заговорил командир. – Собери всех девочек. Ты меня слышишь?

– Слышу, Геннадий Сергеевич.

– Хорошо. Собери всех девочек. Слышишь? Успокой в первую очередь их. Скажи, что все под контролем. Что скоро все это закончится. Понимаешь? И... все силы, все силы на борьбу с паникой. Ты поняла меня, Наташа?

– Да.

– Ну... С Богом!

Наташа почувствовала, что командир держится молодцом. Но по каким-то слабеньким сигналам, ноткам в его голосе каким-то своим, женским чутьем поняла, что все может кончиться очень даже плачевно.

«Сидеть же сложа руки в такой ситуации – худшее из зол. Нужно бороться. Бороться до последнего», – так думала она. Так думал и командир.

– Господи! Помоги нам! – громко, стараясь взбодрить себя, крикнула она и шагнула в салон. Потом на миг остановилась, будто хотела услышать еще хоть что-нибудь от своего командира, и услышала:

– На Бога надейся, а сам не плошай.

Геннадий Сергеевич, человек, которого она любила всем сердцем, нашел еще одну секунду, чтобы поддержать ее.

Сжав кулачки, стиснув зубы и выправив осанку, она пошла на свой пост. «Будем жить, командир!» – мелькнула в ее голове фраза из кинофильма «В бой идут одни старики». Будем жить...

Летный состав лайнера, осознавая, что в их руках жизни многих людей и самого Президента, не поддался панике и продолжал нести службу.

Командир корабля сидел в своем кресле и коротко и четко отдавал команды. Свет, ударивший в самолет, ослепил его и второго пилота сразу же. Бортмеханик, штурман и радист пострадали менее их. Геннадий Сергеевич, еще издали заметив и почувствовав неладное, каким-то десятым, наверное, чувством дал команду сначала нагнуться, а затем укрыться чем-нибудь. Сам же успел только включить автопилот и аварийную систему, снять, уже ослепленный, на ощупь, китель с вешалки и накрыть им штурмана. Штурман так и сидел теперь укрытый с головой за своей аппаратурой. Его глаза почти не пострадали. Радист тоже сильно не пострадал, успев крепко зажмуриться и укрыться своей формой. Потом снял с себя это «покрывало» и накрыл штурмана. Все понимали: штурман сейчас был глазами самолета, поэтому ему в первую очередь было оказано все внимание и создан относительный комфорт.

Полет лайнера проходил пока нормально. Он летел своим курсом, четко укладываясь в график полета. На борту же его все было не так безоблачно, как хотелось бы... И самое худшее еще только начиналось.

Глава III

Вдруг погас свет. Штурман, радист и бортмеханик доложили, что с аппаратурой и приборами творится что-то невероятное.

– Саша, что у нас с землей? – обратился командир к радисту.

– Порт нас не слышит, Геннадий Сергеевич. Ближайшие – тоже. У меня такое ощущение, что сигнал с нашего борта вообще не выходит в эфир. Такого быть не может! Но факт есть факт, – в голосе его звучало изумление.

– Попробуй связаться с бортами сопровождения, – сказал, чуть подумав, командир.

– Уже пробовал, Геннадий Сергеевич. Даже на «резерве» пробовал.

– Чудеса, да и только! – радист Сашка неустанно переключал все тумблеры своей аппаратуры, неистово щелкали ключом морзянки. Бесполезно.

– Иосиф, – повернулся командир к штурману, – что у тебя?

– Ничего хорошего, Геннадий Сергеевич, – ответил тот, укрытый и потому сильно вспотевший. – Неопределенность во всем. Подумать надо.

– Думай. Думай!

Потом, немного помолчав:

– Иван, чем ты обрадуешь, бортмеханик ты наш дорогой?

– Самолеты сопровождения исчезли с радара, Геннадий Сергеевич. А сейчас... сейчас... Господи!.. Сейчас радар показывает, что мы летим... летим под землей. Ничего не понимаю!

– Ладно. Доклады принял... Думайте, думайте, ребятки мои дорогие.

Был еще один способ установить связь. Командир быстрым движением снял крышку предохранителя тумблера связи со «спец, отсеком», щелкнул им; потом еще раз. Светодиоды, показывающие наличие связи, не засветились.

Глава IV

Отсек «спец, связи» находился в хвостовой части самолета. Это был особо бронированный и особо защищенный, без иллюминаторов, небольшой зал, где несли службу офицеры связи. За засекречивающей и шифровальной аппаратурой несли круглосуточное дежурство интеллектуалы высочайшего класса. Доступ сюда не имел даже командир экипажа лайнера. Только Президент, премьер-министр и министр обороны России могли посетить этот центр связи.

В отдельной кабинке находились два высших офицера: Сухопутных Сил и Флота, с так называемым «ядерным чемоданчиком».

Здесь всегда и всё дышало спокойствием. Даже разговоры велись только вполголоса. Внутреннее напряжение, конечно же, было, но его никто не выставлял напоказ. Боеготовность – наивысшей степени! Такая вот служба.

Получив первые помехи, связисты быстро переключились на резервную аппаратуру и доложили о неполадках. Показания «резерва» тоже оказались странными и удивили даже выдавших виды специалистов. Переглядываясь, они включили вторые резервные комплекты – результат тот же. Ни один вид связи не работал. Не было ее даже с экипажем корабля.

Лишних вопросов здесь задавать было не принято. Офицеры, все как один, начали выдвигать различные версии случившегося. Но что-то не сходилось. Все казалось очень странным, необъяснимым, неизведанным. Люди, знающие «до винтика» свою аппаратуру, «до буквы» принцип ее работы, оказались в тупике.

Начальник узла связи генерал-майор Иванов решил срочно проинформировать о случившемся Президента. Отдав команду «Всем оставаться на боевых постах!» он, внутренне собравшись, двинулся к выходу из отсека. Набрал код выхода на замке бронированной двери, он толкнул ее, и... Она не открылась. Дверь, ведущая из узла связи в верхний президентский ярус лайнера, не выпустила генерала. И ему оставалось только выйти в нижний ярус самолета через люк и добираться до цели через пассажирский салон. Механический замок люка сработал. Иванов спустился по ступенькам в небольшой тамбур. Люк за ним сразу же закрылся. Открыв дверь тамбура, ведущую уже в салон самолета, он вдруг невольно зажмурился от яркого свечения. Глаза его начали слезиться, но он не потерял самообладания и шагнул вперед, закрыв за собой дверь.

Людской гвалт резанул слух, немного обескуражив его, но на какое-то мгновение. Генерал был человеком с железными нервами.

Дело в том, что невыносимая яркость света к этому времени уже немного уменьшилась. А свечение в салоне исходило от непонятно откуда взявшихся мельчайших частиц. Эта «пыль» висела в воздухе и лежала тонким слоем на всем вокруг. И все вокруг искрилось, как искрится снег в морозную солнечную погоду. Только цвет был какой-то неземной, изумрудно-серебристый.

Вокруг кричали, плакали, ползали «изумрудные» люди. Иванов начал продвигаться вперед. Ему вдруг показалось, что он либо спит, либо начал сходить с ума. Прозрение наступило скоро: сразу после того, как на него наткнулся огромный парень, шедший на ощупь. Парень был из личной охраны Президента. Только там работали такие супермены под два метра ростом.

Взяв генерала за плечо и ощутив в руке погон высшего ранга, молодой человек сказал: – Товарищ... Э-э, проведите меня, пожалуйста, к Президенту. Я должен... Я должен....

Парень не был напуган и не сказать, что сильно растерян. Он просто не знал, что делать в такой конкретной ситуации. Он знал, что «должен». И все.

– Пошли, – сказал Иванов.

Взяв парня под локоть левой руки, генерал только сейчас обратил внимание на то, что правая рука охранника все это время находилась под пиджаком в том месте, где находится кобура с пистолетом. «С этим у них полный порядок», – мелькнула мысль в голове генерала.

Выход из узла связи, даже такой кратковременный, не обошелся без последствий. Яркая пыль, хоть и в небольшом количестве, все-таки попала и сюда. Но людям, находящимся здесь, было не до таких «мелочей».

Подняли, оторвав от сна, всех тех, кто уже отстоял свою вахту. Все взоры устремились на аппаратуру: пульты, мониторы, приборы, проводку и т. д. и т. п. Их лица, особенно глаза, были напряжены так, что, казалось, эти люди видят все насквозь. Казалось, что их мозги перелистывают десятки и сотни страниц учебников, справочников и другой литературы со схемами, таблицами, чертежами. Некоторое время они сидели будто в оцепенении. Затем все сразу, как по команде, начали нажимать кнопки и сенсоры, щелкать тумблерами, что-то говорить в микрофоны... Все тщетно! Наконец, успокоившись, все обратили взоры на зам. начальника узла связи полковника Сидоренко. Тот, полусидя на подлокотнике кресла, с непроницаемым каменным лицом, ждал докладов от каждого отделения связи, от всех постов. Доклады посыпались один за другим, как и положено, поочередно, но все одинаково неутешительные.

– Ну, что ж, будем ждать дальнейших указаний. Товарищ генерал, наверное, уже у Президента? – сказал спокойно Сидоренко. – Эх, закурить бы сейчас.

– Товарищ полковник, вы же не курите, – произнес кто-то из офицеров.

– Не курю. И вам не советую. Но пару раз затянулся бы. Это точно!

Глава V

Вытянув вперед руку, другой придерживая парня-телохранителя, генерал Иванов медленно, но все же продвигался в направлении кабинета Президента. Неожиданно споткнувшись, он упал. Приподнявшись, схватился за какую-то прочную материю и стал тянуть ее к себе, перебирая руками, пытаясь подняться на ноги. Встал. Материей оказалась ряса Патриарха Арсения. Иванов понял это, когда, приблизившись к нему лицом к лицу, услышал его сильный, поставленный голос.

Арсений неистово молился, сжав обеими руками большой крест, висевший на груди. Он так вошел в это святое действие, что, перекрыв своим огромным телом один из проходов между креслами, не обращал ни на кого никакого внимания. Обойти или протиснуться «сквозь него» не было никакой возможности. Пришлось ждать.

В сплошном гвалте вдруг как-то отдельно выделялось: «Господи, Спаси рабы твоя». Потом это заглушалось, и снова: «...Господи. Господи. Го-о-о-спо-ди...»

Чудо случилось или Божий промысел возобладал, но вдруг свечение в салоне стало исчезать. Всюду стали слышны какие-то неуверенные, но уже с искоркой счастья и радости голоса:

– Я, кажется, вижу. Только вот темно что-то вокруг.

– И я вижу... Кто-нибудь, включите, пожалуйста, свет...

– Господи, слава тебе.

– Мама, мама! А у меня глазки щиплет. Посмотри, а?

– Сейчас (плача), сейчас посмотрю, моя хорошая. Потерпи немножко. Ладно?

– Что, черт возьми, происходит, а?..

Похожее состояние возникает у шаловливых пацанов в раннем детстве. Придут, бывало, на какую-нибудь стройку и подолгу смотрят на дугу электросварки. Потом перепугаются до смерти, думая, что ослепли; трут руками глаза; слезы текут ручьем. Но проходит какое-то время, и они начинают постепенно «прозревать». Радость начинает переполнять их.

И они с глазами, полными слез, и еще дрожащим голосом говорят, говорят...

Дежурное освещение, так же как и аварийное, не сработало. Появились робкие огоньки зажигалок и слабенькие лучики света от брелочных, «мобильных» (не работающих телефонов) и прочих фонариков. Разные по мощности и силе лучики света стали биться во мраке в разные стороны, выхватывая на миг из темноты то измученные лица, то какие-то вещи и предметы.

Люди стали искать друг друга. Зазвучали фамилии, имена и отчества, уменьшительно-ласкательные прозвища:

– Самохин... Самохин... Ты где?

– Палыч, Иван Палыч...

– Зайчик, я здесь... Здесь, около...

– Нина Григорьевна, Нина Григорьевна, идите сюда... Продвигайтесь к своему месту... Я здесь... Здесь я...

– Миленький ты мой! Я думала, что уже никогда тебя не увижу...

Стюардессы принесли несколько более мощных фонариков, сделанных непонятно как и из чего то ли связистами, то ли кем-то из телохранителей, расположили их по углам пассажирского салона. Стало светлее. Люди стали более или менее видеть друг друга, а также последствия недавней паники вокруг.

Бедные стюардессы! Они ни секунды не думали о себе. Ослепшие и обескураженные не меньше других, они сумели быстро, насколько это было возможно, взять себя в руки и продолжали выполнять свои обязанности, каждая на своем посту. Скрепя сердце, иногда кусая от бессилия губы в кровь, они работали и работали. Если бы не они, описать последствия произошедшего было бы невозможно.

Стало немного легче. Даже нельзя сказать «немного» – на какую-то йоту, на толику! А расслабляться нельзя ни на миг. Это их работа! Это их судьба! Поддерживая друг друга, держа себя в надлежащем виде, они буквально были везде. Ноги уже подкашивались от усталости. Но они по-прежнему спокойно, без нотки дрожи в голосе, говорили и... улыбались. Улыбались!

Господи! Кто замечал сейчас их улыбки?! Кому сейчас было дело до них. До их душевных мук и страданий?!

То тут, то там слышались их голоса:

– Успокойтесь, пожалуйста...

– Займите, пожалуйста, свое место...

– Сейчас принесу. Минуточку...

– Выпейте минеральной водички... Пожалуйста.

– Вам нужно прилечь, отдохнуть. Я вам помогу...

– Сейчас мы промоем глазки. Во-от. И все у нас будет хорошо. Да, малыш!.. А кем ты будешь, когда вырастешь?... Моряком?.. А моряки никогда не плачут... Да? Ну, вот и хорошо.

– Ладно не легчиком хочет стать, – съязвил кто-то рядом. А она ему:

– Мужчина, возьмите себя в руки!.. Пожалуйста.

– Господа, господа! Большая просьба: выключите, пожалуйста, зажигалки. Спасибо.

И так всегда, везде и во всем.

Более или менее успокоившуюся было толпу взбудоражил вдруг зазвучавший где-то в углу смех: негромкий, но какой-то страшный. Человек, казалось, выдавливал его из себя силой.

Люди обернулись на звук. Какой-то мужчина в помятом костюме, в развязавшемся галстуке, лежащем на его плече, стоял на коленях напротив одного из светильников. Неистово крестился непонятно по какому из христианских обычаев и то ли смеялся, то ли рыдал.

Вдруг многие, как по команде, последовали его примеру. Никто толком не знал что к чему, поэтому молились кто как мог. Все смешалось. Кто-то крестился; кто-то пал ниц и бился головой о пол; кто-то что-то бормотал, стоя на коленях. Людям показалось, что все страхи позади, и каждый, как мог, стал выплескивать из себя переполнившие его непонятные чувства.

Дети снова заплакали. Взрослые, глотая слезы, выли.

Арсений встал и, громко молясь, стал крестить своим крестом всех вокруг. Стюардессы начали поднимать и успокаивать людей. Обессиленные люди буквально падали в разложенные для сна кресла. Появились свежие пледы и подушки, а также напитки и еда. Стало тихо. Наконец-то тихо! От предложенной пищи все отказывались. Только просили пить и, еле приподнявшись с кресел, жадно утоляли мучившую их жажду.

А потом... Потом всех стало охватывать состояние легкости, невесомости, неги. И люди стали засыпать... будто они попали в рай.

Если бы они только могли себе представить, что за «рай» готовит им судьба!

А пока... Пока все для них было более или менее нормально и комфортно.

Глава VI

Генерал Иванов наконец-то, добрался до кабинета Президента. У входа в него уже столпились люди. В полумраке раздавались отрывки приказов и докладов. Чувствовалась напряженность и суета.

– Где Николай Николаевич? Что с ним? – Иванов узнал голос премьер-министра Чернова.

– Доктор, почему он до сих пор спит? В таком-то бедламе!

– громко спросил министр обороны Воронов.

– Он... Он сам попросил вколоть ему... Я же не знал, что так получится... Попробуй ему откажи! Сами же знаете, что...

– оправдывался врач.

– О чем ты только думал? – зашипела супруга Президента Фаина Степановна.

Над Президентом склонился личный лечащий врач главы государства Карл Иосифович Броне. Не зная, что предпринять в такой ситуации, он, как-то съжившись, виновато держал руку Президента, как будто пытался нащупать его пульс. Рядом на столе стоял его «волшебный чемоданчик» с красным крестиком на кожаной крышке.

– Ну, можно же, наверное, вколоть ему какой-нибудь нейтрализатор, – неуверенно произнес Сергей Окунев – зять Президента. Но на него тут же «цыкнула» теща.

– Что, угробить тестя хочешь?!

– Папочку моего, – добавила дочь Президента Ольга.

– Ни в коем случае! – продолжила Фаина Степановна. Потом, обращаясь к премьер-министру Чернову, добавила:

– Виктор Петрович, берите все в свои руки... Пока...

– Хорошо, Фаина Степановна. Я все понял, – начал Чернов.

– Значит, так. Первое... Министр обороны. Где Павел Сергеевич?

– Я здесь, – отозвался маршал.

– Павел Сергеевич, что с капсулой?

– Аварийная капсула вышла из строя. Там питание вырубилось. И системы жизнеобеспечения... Ни одна не работает! Черт бы все побрал! Может, все-таки растормошим Президента?

– Пробовали. Бесполезно. Да и... Он ведь только после операции. Так что сам понимаешь.

Премьер-министр понял, что сейчас все зависит от него. Внутренне он был явно не готов исполнять даже свои прямые обязанности, всегда полагаясь на своих замов, не говоря уже об обязанностях Президента, свалившихся так неожиданно-негаданно на него. Но деваться было некуда. И он начал:

– Собрать всех членов Правительства и министров! Доложите обстановку внутри самолета и за бортом. Для этого срочно установить связь с экипажем...

В общем, первые шаги он сделал правильно.

Глава VII

Резко моргнув, погас единственный фонарик в кабине пилотов.

– Командир! Падаем! – вдруг резанул слух голос второго пилота.

– Вижу, Алексей, – спокойно произнес командир. Пилоты, конечно же, догадались о причинах той легкости и почти невесомости, создавшихся внутри лайнера.

Экипаж корабля был собран из опытейших пилотов. По-другому и быть не могло, ведь не каждому выпадает честь пилотировать «Борт № 1» – личный самолет Президента России. В прошлом им всем не раз приходилось, особенно работая с «отрядом космонавтов» или различными «спец, группами особого назначения», создавать искусственную невесомость для их тренировок. Это когда самолет набирает высоту под определенным углом и, выключив двигатели, падает вниз... При таком «падении» внутри самолета все начинает парить в воздухе. Потом включаются двигатели. Снова «горка». И все повторяется снова и снова. Сейчас же это нельзя было назвать невесомостью. Но то состояние, возникшее в полете, когда самолет «проваливается» в воздушные ямы, испытывали теперь все.

– Командир, двигатели отказывают. Тяга катастрофически падает. Работают как бы по инерции.

– Да, чувствуется, – ответил командир и скомандовал:

– Всем постам! Доложить обстановку.

Начались доклады:

– Без изменений, командир.

– У меня тоже. Плохо...

– Чудеса! Смотрите! Не светятся даже фосфорные шкалы и стрелки приборов! Ни фиги себе!

– Нашел о чем...

– Извините, Геннадий Сергеевич, – виновато произнес молодой радист.

Командир придвинулся к стеклам кабины и начал всматриваться наружу. За бортом была жуткая темень. Усевшись снова в свое кресло, уперся затылком о подголовник и просидел так пару минут. Потом весь собрался, крепко взялся обеими руками за штурвал и спокойно, но четко, скомандовал:

– Всем постам! Приготовиться к аварийной посадке! Доложите о готовности! Саша! Срочно вызвать ко мне старшую стюардессу.

Посыпались доклады о готовности.

Наташа на ощупь вошла в кабину пилотов. Самолет уже летел, чуть клюнув носом, и передвигаться в нем было уже не так-то просто. Подойдя к креслу командира, она взялась за его спинку и произнесла: «Геннадий Сергеевич... Гена... Я сделала все как надо... Девочки на местах. Люди пристегнуты. Посторонние предметы убраны и зафиксированы... Я... Я хотела сказать...» Ее руки сползли на его плечи, а через миг обвилились вокруг его шеи. Она прижалась к нему и поцеловала куда-то в шею. Он молча стал гладить ее руки левой рукой, правой держа штурвал. Потом обернулся к ней и поцеловал... Было темно, и никто ничего не видел. А если и видел...

Все присутствовавшие здесь знали, что Геннадий Сергеевич и Наташа давно нежно относятся друг к другу.

Он был женат и имел двух прекрасных близняшек. Она не выходила замуж, как будто бы надеялась на какое-то чудо. Он любил и уважал свою жену, которая за пятнадцать лет супружеской жизни перенесла вместе с ним многое. Жизнь военного летчика в прошлом, командира «Борта № 1» в настоящем – не сахар. Перешагнуть через все это, отбросить от себя он не мог. А думать сейчас обо всем этом...

– Алексей! Штурвал на себя! – вдруг нарушил минутную тишину голос командира.

– Есть!

– Экипажу покинуть кабину! Всем в «хвост»!

Никто даже не шелохнулся. Экипаж только крепче схватился за подлокотники своих кресел, вжавшись в них.

– Выполнять! Я приказываю!

Наташа крепче прижалась к нему. И он понял, что ни она, и никто другой из экипажа не оставят его одного здесь. Здесь – пока еще на неведомом рубеже с неизвестностью, а может быть, и с вечностью?

Глава VIII

Объект, наделавший впоследствии столько шума, был замечен за многие-многие тысячи километров до Земли. Огромный супертелескоп «Хаббл», выведенный на околоземную орбиту одним из «Шаттлов» американцами, заметил его среди скоплений звезд. Но точно проследить и вычислить его курс было невозможно, так как это чудо техники и инженерной мысли было не совсем исправно. «Хаббл» был выведен в космос для того, чтобы охватывать огромные пространства без помех (коими являются те же облака, к примеру). Он не поворачивался в нужном направлении по команде с центра NASA в Хьюстоне и, вращаясь вокруг Земли по своей орбите, передавал только то, что выхватывал по ходу движения. Американские специалисты, конечно, прикладывали максимум усилий, чтобы исправить создавшееся положение, но все их потуги пока были безрезультатными. Первые же снимки показали следующее. Объект по космическим меркам небольшой – примерно с авианосец «Индепендент». Скорость его невелика, летит, теряя ее, даже притормаживая, прямо. Не оставляет за собой никакого следа. Пройдет в полутора тысячах километров над Тихим океаном.

Вся информация срочно легла на стол Президента США Билла Брауна. В Белом Доме сразу же собралось экстренное совещание, на котором, кроме представителей Космического Агентства, присутствовали люди АНБ, ЦРУ и ФБР.

В это время пришли дополнительные данные и от других спутников. Из них было видно, что под действием притяжения Луны и Земли объект может, если он, конечно, неуправляемый, достичь земной поверхности на территории России в районе Уральских гор. Но, учитывая его массу и скорость, он, преодолевая земную атмосферу, разрушится на множество частей, которые или полностью сгорят, или в крайнем случае осыплются на землю «мелким гравием».

Выслушав доклады всех служб, Браун задумался. Потом спросил:

– Что решим?.. Это очень опасно? Стоит ли оповестить Москву?

Директор ЦРУ взял слово и, усмехнувшись, сказал:

– А какая им разница?! У них сейчас такой бардак царит, что они этого даже не заметят. Если погибнет десяток-другой русских, это для них мелочи. Людей за людей там никогда не считали.

Решили все-таки сообщить. Нельзя терять своего лица стране, гордящейся своими демократическими принципами и ценностями.

Но было уже поздно! Сначала «ослепли» и «оглохли» все спутники НАТО. Через секунду пропала связь почти со всем миром, а главное – с союзниками в Европе.

Президент США приказал немедленно перевести Вооруженные Силы в высшую степень боеготовности.

Глава IX

Объект вклинился в пространство между Землей и Луной... При вхождении в атмосферу Земли вокруг него «рассыпалось» какое-то яркое поле и, «выключая» все на своем пути, он пролетел расстояние примерно от Сахалина до Испании. Потом, резко потеряв высоту и притормозив, развалился на десятки частей и просто «плюхнулся» в Атлантический океан в районе Бермудского треугольника, накрыв почти всю его площадь (треугольника) разбросом кусков.

Америка почувствовала это только в виде небольшой приливной волны, на которой любят кататься серфингисты. И все!..

А вот путь полета над Азией, Европой и Атлантикой был замечен и отмечен.

Изумрудно-серебристая полоса в несколько сотен километров шириной легла по всему курсу полета в атмосфере и на земле.

Глава X

Все эти события и ввергли пассажиров «Борта № 1» России, двухэтажного эксклюзивного красавца авиалайнера, изготовленного по спецзаказу авиаконцерном гигантом «Боинг» лично для Президента России, в панику.

Ужас, правда, сразу обуял не всех, а только тех, кто находился в нижнем ярусе самолета. Верхний же, президентский, как-то не сразу отреагировал на произошедшее. Здесь находились только Президент и самые близкие люди его команды (все с женами и детьми), да пара телохранителей... для поручений-побегушек.

Остальные люди, включая даже экипаж самолета, не имели права подняться сюда без особого приглашения. На родных Президента это, конечно же, не распространялось.

В Токийском аэропорту, когда самолет еще даже не вырулил на взлетную полосу, вся эта команда, как это было уже давно заведено, начала праздновать по случаю окончания визита, что называется, «на всю катушку». И, когда лайнер оторвался от земли, все они были уже под шопе.

В особо загерметизированном и шумоизолированном ярусе никто даже не заметил, что произошло. Обратили внимание (кто мог) лишь на то, что везде погас свет. И все! До остального здесь никому не было никакого дела!

Очнулись здешние обитатели только перед самым появлением генерала Иванова. Да и то не все. Один из телохранителей, почувствовав неладное, пытался связаться с экипажем и, поняв бессмысленность этих действий, кое-как разбудил генерал-майора Горчакова – начальника личной охраны Президента, а затем остальных, кого смог. Впустив Иванова и уже давно дежурившего у входа наверх лечащего врача Президента, со сбивчивых их рассказов и их внешнего вида, внушавшего ужас, здесь наконец-то кое-что поняли о случившемся.

И... пока, как говорится, суть да дело... Но об этом уже ниже.

Самолеты сопровождения сразу же исчезли в темноте. Их двигатели и бортовая электроника вышли из строя, и они почти одновременно свалились в штопор. Так и не выйдя в эфир с сигналами бедствия и не сумев катапультироваться, летчики этих машин погибли. К тому же две машины взорвались, столкнувшись в воздухе. Остался один «Миг». Он летел сзади и чуть ниже лайнера, чтобы не попасть в инверсионный след, оставляемый позади него, так как это неминуемо могло привести к аварии. По этой или по какой-нибудь другой причине, но его двигатели, хотя и с перебоями, но работали даже при отключившейся уже аппаратуре. Летчик не «ослеп» от яркой вспышки, поскольку его заслонил собой огромный лайнер, но управлять своей техникой он был бессилён. Пролетев под брюхом авиалайнера, «МИГ» свалился на левое крыло и устремился к земле.

Глава XI

Володя Пронин, молодой парень двадцати двух лет, вышел из кубрика речного толкача-буксира с громким названием «Речной 221» покурить на палубу. Не спалось ему что-то.

Осень начинала входить в свои права, поэтому было уже довольно-таки прохладно. Накинув на плечи китель, парень шагнул за переборку.

– У-ух! Хорошо! – сказал он, выпустив пар изо рта. Потом достал сигарету, прикурил и смачно затянулся. Протяжно выдохнув, облокотился о борт и стал любоваться необъятной ширью искусственного моря – дела рук человеческих.

Его «толкач» стоял на якоре недалеко от огромной плотины гидроэлектростанции и ждал утра: когда ему «дадут добро» на прохождение через шлюзы. На носу у «Речного 221» были пришвартованы друг за дружкой три баржи: «Москва», «Кремль» и «Сибирь». Баржи были большого водоизмещения и использовались не только в речном, но и в морском прибрежном судоходстве. «Москва» и «Сибирь» были чисто баржами, «Кремль» когда-то был самоходкой (имел кормовую надстройку), но из-за поломки двигателя и нехватки средств для его ремонта использовался теперь, как и первые две.

Огоньки плотины и судов, стоящих на рейде, отражались на спокойной водной глади этой сибирской реки. Красота – аж дух захватывает! За бортом нет-нет да и плеснется крупная рыбина. И снова тишина. Только где-то там, вдали, чуть-чуть слышен звук работающих в неполную силу турбин ГЭС.

– Что, Вова, не спится? – раздался сверху с мостика голос вахтенного.

– Да вот, покурить что-то потянуло, дядь Миша. Да воздухом подышать, – ответил парень.

– Надо... Ну как, привыкаешь помаленьку к речному делу? Ты ведь моряк, можно сказать. Масштабы, наверное, не те, да?

– Привык уже. Я ведь море-то видел только с берега. А как в поход пойдем, так не до этого было. Я из трюма-то не вылезал.

Володя недавно устроился на это судно мотористом. И проработал-то еще чуть больше двух месяцев.

Вернувшись прошлой осенью, отслужив два года в разведгруппе морской пехоты Северного флота, в родной город Владимир долгое время маялся, не находя подходящей работы. Здоровья хоть отбавляй! А работы нет. А тут еще с девушкой познакомился. С Мариной. Девушки быстро западают на ребят в форме морпеха! Начали встречаться. Дальше – больше. Решили пожениться, да только денег – ни копейки. Надо было что-то делать.

Володина семья жила скромно. Отец, оставшийся без руки во время аварии на заводе, получал небольшую пенсию. Мать работала учительницей в школе. Братишка – ученик десятого класса. Дальше можно и не продолжать.

А тут еще и зарплату перестали во время платить – на месяцы задерживали. «Экономические трудности переходного периода» – так говорилось в средствах массовой информации. Стало вообще туго. Володя перебивался случайными заработками, да по огороду на пригородном участке помогал родителям. Так и жили.

Марина же была из «обеспеченных». Родители ее занимались торговлей на рынке. Затем открыли свой магазин. Наняли продавцов, платя им гроши. И, конечно, выражение «он тебе не пара» девушка слышала почти ежедневно.

Володя был гордым и сильным духом и решил: «Обязательно заработаю!» «Сделать деньги» здоровому спортивному крепышу, как он, в то время можно было только одним путем. Старые друзья детства, с которыми Вовка Пронин уходил в армию, все «встали на ноги». «Поднялись», как они говорили. Звали и его в свою «бригаду».

Увидев, как «прожигают» жизнь его дружки, Володя чуть было не сломался. Красивые дома, мощные внедорожники, шикарные шмотки и куча денег больно били по самолюбию и нервам молодого парня. Но он не перешагнул через совесть, через родителей, школу, армию. Отказал братве, которая уже начала собирать деньги, чтобы «поднять» и его.

Марину же сначала все устраивало. Но каждодневное «промывание мозгов» ее родителями и близкими дало знать о себе. И они расстались.

Он долго мучился. Родители, как могли, старались его успокоить. И, в конце концов, он решил уехать из своего любимого города куда глаза глядят. Сел в первый же поезд, следовавший куда-то за Урал и... будь что будет!

Позже он узнал из письма братишки, что Марина вышла замуж за одного из «братков». Забеременела. А через месяц ее мужа зарубил топором один парень, торговавший на рынке мясом, выращенным его семьей. У него вымогали деньги. Он отказал. Его стали запугивать, угрожая убийством. Парень был, видно, «не промах». Стал защищаться от бандитов и выхватил топор... Получил, конечно же, на всю катушку!

Марина сидела в это время в роскошном «БМВ», все произошло на ее глазах. Потом она сделала аборт и... стала заливать свою душевную рану водкой. Но былого уже не вернешь! Поезд ушел!.. Ушел.

В купе вагона познакомился Володя с одним речником, ехавшим с отпуска из родных мест в Сибирь. Звали его Святославом. Оказался земляком из-под Владимира. Посидели, поговорили – дорога дальняя. Многие темы о жите-бытье затронули. Оказалось, что деревня, откуда родом Слава, почти обезлюдела. Остались одни старики, да и тех уже немного. Колхоз развалился, так как какие-то дельцы загнали его в огромные долги. Технику всю разворовали и распродали. Работы не стало. И разъехался весь народ кто куда. Деревня у него была старинная. Во времена Великого князя Владимира Красно Солнышко еще основана. Все вынес ее народ. От далекого Батыева нашествия и до наших дней много лиха было. А вот последних «реформ» не вытерпел, не выдержал, сломался... Сломали! Свои! А когда «свои», это намного труднее, горше, обиднее.

Сидели-пили, курили, вспоминали. Далеко еще ехать. Ох, как далеко!

И видели... Все замечали, что за окнами вагона делается. Везде одно и то же.

Кругом разруха, бедность и нищета. И все это без войны-то!

Володя был еще молод. Много еще не понимал. Молодые жизнь видят в другом, более ярком, что ли, свете и цвете. Так, видно, Богом дано. Он посмотрел на руки своего собеседника. Да такими руками можно горы свернуть!.. А он сидит напротив, говорит сквозь слезы и бьет кулаком об стол, уже опьянев изрядно.

В Святославе чувствовалась какая-то могучая физическая и духовная сила. Но одновременно складывалось впечатление, что его как будто опутали, сковали и затравили какие-то неведомые злые силы.

Вспомнилась Володе одна поездка несколько лет назад. Учился он тогда то ли в восьмом, то ли в девятом классе. Спортсменом был хорошим. Однажды их команду по боксу повезли в Казань на Молодежную спартакиаду. Он тогда кубок и грамоту привез домой.

Организаторы соревнований повезли их в экскурсионном автобусе в Казанский Кремль, и юный Володя увидел там рядом с белокаменной башней памятник. Это был монумент неспящему человеку-патриоту поэту Мусе Джалилю, которого не сломила фашистская неволя, и он погиб как герой.

Володя еще раз взглянул на земляка. Что-то было в нем, напоминающее того парня, отлитого в бронзе на века, рвущегося к свободе из пут колючей проволоки. Слава ведь тоже не сломался. Да, ему тяжело. У него семья, старые больные родители. Детей надо учить и воспитывать. А везде сейчас нужны деньги, будь они прокляты! И немалые. Он не опустил руки и не опустил души, он боролся.

Многие в его возрасте спились и, плюнув на все, плывут по течению, как дерьмо. У него же есть главное. И это чувствуется. В нем есть стержень, который просто так не перешибешь. Стержень этот – основа настоящего русского человека, россиянина.

Многое еще предстояло понять и осмыслить Володе Пронину с его молодым мировоззрением и прагматизмом. Он сам-то как следует, наверное, еще и не вкусил всех прелестей жизни, свалившихся на страну, особенно в последнее десятилетие. Но и ему, «далекому», многое стало ясно.

Володя уставился в окно вагона. Вдруг перед глазами встали лица родных и близких, провожавших его в армию. Не веселые и беззаботные, как у его ровесников друзей, а взрослые. В их глазах уже тогда была какая-то тревога. Оказалось, не зря...

Глава XII

Сибирь как-то сразу «захватила» Володю. Необъятная широта и природа просто завораживали. И люди здесь были немного другие. Даже чиновники и начальство. «Не совсем еще скурвились», – как говорил Слава. Не всех еще здесь достала «рука Москвы» – образ жизни столицы.

Как бы то ни было, но на работу он устроился нормально, без проблем. Мотористом. Работа нравилась. Команда хорошая. Даже денег родителям с первой полочки отослал. Здесь их еще платили, хотя и с небольшими задержками.

Помогла Володе любовь к технике с детства.

Бывало, до глубокой ночи пропадал он с друзьями в гараже у местного изобретателя Сан Саныча. Много выходило и выезжало из этого гаража, люди только рты разевали: чудеса! Диковинную технику и механизмы делали. Дети тянулись к Сан Санычу. Правда, частенько им попадало от родителей за «ночные шляния». Но это было для порядку, не со зла, поскольку папы и мамы знали, где пропадают их пацаны. Любили его дети. Любили и их родители. Уважали.

Будучи военным пенсионером-инвалидом (не было у него левой ноги до колена), он никогда не сидел на лавочке у подъезда, как подавляющее большинство наших стариков, лузгая семечки и судача обо всем и обо всех вокруг. Он работал. Он делал добро.

Дом был небольшой – пятиэтажка в четыре подъезда. Но как он был ухожен и обустроен вокруг и внутри! На зависть соседям. Деревья, кусты, клумбы. Оградки, скамейки, бордюрики... Все ровно, чисто, аккуратно покрашено. Его даже «немцем» чуть было не прозвали местные домоуправленцы. Народ не дал! И вот почему.

Сан Саныч с детства рос скромным и даже неразговорчивым пацаном. Особенно стеснялся девочек. Чуть что, и зардеют щеки цветом спелой калины...

На войну ушел добровольцем в страшном сорок первом. Много повидал. Характер изменился. Это был уже не тот Сашка Петров, которого даже девчонки иногда дразнили. Это был уже мужчина! Воин! Дважды был ранен. Заслужил два ордена и медали. После ранения в руку под Будапештом познакомился в медсанбате с девушкой Таней. Она приехала как-то с ребятами навестить своего раненого командира роты морской пехоты. Вспыхнула любовь. Рана долго не заживала (осколок мины делал свое черное дело исправно), и его отправили в тыл. При погрузке в поезд снова встретил Таню, теперь уже раненую: немецкий пулемет зацепил обе ноги. Легко, правда, но по военным временам, так как кости остались незадетыми. Ехали вместе. А дальше...

Три немецких «тигра» невесть откуда прорвались к железнодорожному полотну и в упор, четко и методично, стали расстреливать вагоны с красными крестами по бокам. Саня с одним из раненых бойцов вынес Таню на носилках на обратную сторону от огня. Но тут раздался взрыв. Очнувшись, увидел, что боец убит, а Таня лежит в носилках. Живая!

– Саша, милый! Иди, спасай раненых, – произнесла она, улыбаясь. – Иди. Со мной все в порядке.

– Хорошо, Таня. Ты... ты только никуда! Слышишь? Я сейчас....

Шум боя (по танкам уже откуда-то стреляли, и им было уже не до эшелона) прервал разговор. Вагоны горели.

– Иди же, Саша. Иди...

Саша побежал к эшелону. Он сделал все, что мог, спасая людей. Потом, обгоревший и усталый, вернулся к ней.

Таня лежала бледная и... улыбалась. Ветерок нежно колыхал ее красивые волосы. Весенний ветерок сорок пятого. Он упал на колени и зажал голову руками. Только сейчас он заметил

маленькие пятнышки крови на груди и откинутой в сторону ладони руки. Маленький осколочек, ранку от которого она прикрыла ладонью, прося его идти помочь людям, все-таки зацепил ее сердце...

Ногу же он потерял чуть позже, под Берлином, на Зееловских высотах, когда, недолечившись, сбежал из госпиталя и в одной из рукопашных схваток нарвался на разрыв гранаты.

С тех самых пор Сан Саныч жил один... Проклятая война!

А однажды ночью, он, часто ночевавший в гараже, заживо сторел. Какие-то пьяные ублюдки, хотевшие за бутылку купить у него боевые награды и получившие отказ, улучшив момент, подошли к гаражу сразу со всех сторон. Спасти не успели. А этих... Этим так и не нашли до сих пор. Не те времена.

Светлая ему память!

Володя затыкнулся дважды подряд. Бросил как-то резко окурок в воду. Тот мелькнул в воздухе светлячком и, упав в воду, зашипел и потух. «Ладно, пробьемся. Нас просто так не согнешь!» – мелькнуло в голове. Потом разогнал мрачные мысли: «Эх! Красота-то какая! Порыбачу завтра по утрам, если не пойдем. Разрешит, думаю, капитан?»

Хотел было вернуться к себе в кубрик, повернулся, но не успел сделать и шага...

– Вовка, смотри! Смотри, Вовка! – голос дяди Миши, казалось, разбудил всю акваторию вокруг.

Володя обернулся. Резко, аж китель, его китель, привезенный со службы (подарок моряков), упал на палубу. Глаза и рот раскрылись на всю ширь, когда он увидел, как на большой высоте, далеко, с востока на запад, поперек курса их судна пролетело что-то до сих пор неведомое и огромное, светясь и оставляя за собой след, медленно оседающий на землю и невероятно красиво искрящийся. Даже гладь водохранилища засветилась каким-то чудо-светом.

Объект скрылся вдали, и вдруг... Все огни вокруг погасли и пропал шум турбин электростанции. Наступила темень. И только там, за плотиной, далеко вниз по реке, земля и вода светились изумрудно-серебристым светом.

Володя посмотрел вверх на вахтенного. Тот стоял на мостике, схватившись за перила, и, казалось, вот-вот вывалится за борт.

– Вот это да! А, Вовка, видел, да? – ошарашенный, произнес дядя Миша.

– Свет что-то везде погас, надо бы в склянку пробить, – сказал Володя. Потом добавил: И команду надо поднять.

– А? Да, да... Ну и дела! А? – не отошел еще от шока дядя Миша и стал бить в рынду, висевшую рядом.

На палубу высыпала команда. В рубке появились капитан, помощник и рулевой.

– Дать свет, – скомандовал капитан Антонов.

– Не включается. Даже дежурное освещение вырубилось, – ответил ему помощник.

– Дать сигнал тревоги! – с этими словами капитан взял бинокль и стал осматривать все вокруг.

– Сигнал не работает, – поступил ответ.

– Связь со шлюзом, быстро! Бить в склянки «по тревоге»!

– Связи нет, – помощник щелкал и щелкал тумблерами и рубильниками.

– Отставить, – видя бесперспективность действий, уgomонился капитан.

Все напряженно молчали. Наконец Антонов дал команду: – Помощник! Леня! Фонари на нос, корму, мачты. Ты понял, да? Действуй! Вахтенный! Дядя Миша, подойди ко мне.

– Я здесь.

– Что произошло?

Дядя Миша каким-то не своим голосом, заикаясь и путаясь, все же вымолвил кое-что вразумительное.

– Странно, – сказал капитан и, оторвав наконец бинокль от глаз, спросил: Где рупор?

Взяв в руки проверенное устройство, которым в век электроники почти уже не пользовались, дал команду:

– Всем по местам! Леня! Леня! Побыстрее с сигналами.

– Смотрите! – только и успел крикнуть Володя Пронин, устанавливающий фонарь на носу баржи. Черное небо перечеркнуло что-то похожее на молнию и ударило в шлюз. Раздался сильный удар, потом взрыв, и через миг – еще один.

– Господи! Что это? – крикнул кто-то из команды.

В это мгновение где-то там впереди, в районе гидроузла раздался и стал нарастать шум вырывающейся «из неволи» огромной массы воды. Это и был тот самый, последний, «Миг», который на огромной скорости врезался в первые ворота шлюзов и буквально вскрыл их, как консервным ножом. Затем сработали мощные ракеты класса «воздух-воздух» и «воздух-земля» и разнесли последнюю преграду, которая удерживала эту необузданную мощь. Яркий столб огня осветил все вокруг. Капитан направил свой бинокль в ту сторону. Крепко сжатый в руках прибор внимательно осматривал тело плотины и шлюзы. На плотине ни огонька, ни какого-либо движения. Будто все вымерло. Перевел взгляд снова на шлюзы. Два огромных столба огня, оставшихся по краям снесенных ворот, освещали море воды, вырывавшееся на просторы вниз по реке. «Вот они, огненные врата ада!» – подумал Антонов и, не отрываясь от бинокля, спросил:

– Леня, что с двигателями?

– Глухо, Семен Семенович. Умерли! Никаких подвижек.

Капитан понял, что держать людей в трюмах, хоть они и на своих постах, нет смысла.

– Всем наверх! – скомандовал он и, опустив рупор, обратился к уже стоящим на палубе людям, посмотрев на их сосредоточенные лица, освещенные заревом пожара.

– Всем надеть спасательные жилеты! Подготовить шлюпки! – вновь скомандовал он уже без рупора. Потом, обращаясь к помощнику, добавил:

– Леша, проверь и доложи.

Помощник побежал вниз, громко дублируя команду капитана. Команда бросилась выполнять ее.

– Рулевому, внимание! – обратился капитан к стоящему у штурвала парню.

– Ваня, слышишь? – он вновь устремил взгляд бинокля на шлюзы.

– Есть, капитан, – спокойно ответил рулевой.

Глава XIII

Антонов был опытным речником. Жил рекой. Еще будучи пацаном, по несколько дней подряд, бывало, пропадал с друзьями у воды. Рыбачили, плавали на плотах и лодках...

Потом война. Отец погиб под Брестом в сорок первом. С перебитыми ногами красноармеец Антонов добровольно остался прикрыть отход своей потрепанной боями роты. Больше часа удерживал прорыв немцев, стреляя из «Максима», «оседлав» тропинку между двумя болотами, по которой ушли его товарищи. Бой был жаркий: люди слышали неумолкающую стрельбу. Потом все стихло. Погиб геройски. Только кто их, «героев», получил в сорок первом?! Единицы. А его рота в двух-трех последующих боях полегла полностью. И нет больше геройски отдавшего свою жизнь рядового Антонова. А есть «без вести пропавший»... со всеми последствиями тех времен.

Мать сильно надорвалась на оборонном заводе и сильно болела. А получив известие об отце... И остался Семка сиротой. Двух младших братишек взяли к себе родственники. А он, не по годам повзрослевший за войну, отправился в интернат при речном училище.

Опытного капитана не хотели отпускать на пенсию. Жена, бывало, ворчала: «Хватит уже, Сема! Внуки уже выросли. Отдохни. Пора уже». И так уже много лет. Он ей все обещал и обещал «повесить фуражку на гвоздь», но... Речники поймут, о чем речь!

Глава XIV

Судно дернулось и, качнувшись, тронулось вперед. Свет фонаря на носовой барже, где-то там, вдали, стал быстро перемещаться и остановился, как будто показывая путь через огненный зев на месте бывших шлюзов.

– Поднять носовой и кормовой, – раздалась команда капитана. Люди тут же побежали, и через миг уже затрещали лебедки, поднимая якоря. Их бы все равно сорвало.

Антонов знал, что шанс проскочить, не врезавшись в тело плотины, есть. Небольшой, но есть. Хотя взбесившаяся река может сделать все что угодно. Помочь в сложившемся положении могло и то, что Антонов немного нарушил одну из инструкций по судоходству.

Дело в том, что «Речной 221» не имел права толкать впереди себя три баржи подряд. Только две. А одна должна быть пришвартована борт в борт с ближней к буксиру. Должен был получиться своеобразный ромб из судов. Так, собственно, сначала и было. Но вечером Антонов получил команду пропустить через шлюзы какой-то срочный груз – пролет строящегося где-то выше по реке огромного железнодорожного моста. Фарватер был узковат, и «Речному» пришлось перестроиться и встать на якорь до утра...

Подошел помощник:

– Что это, Семен Семенович? Война?..

– Не знаю, Леша, – потом, чуть понизив голос, – только без паники. Это сейчас главное.

– Всем внимание! – раздалось в рупор.

Капитан подошел к рулевому и положил руку ему на плечо:

– Ваня, – глядя ему в глаза, – Ваня. Спокойно и четко. Ты меня понял? Все внимание на мои команды и на носовой фонарь. Должны проскочить, понимаешь? Должны!

– Я все понял, Семен Семенович, – спокойно ответил парень, устремив взгляд вперед.

– Ну! С Богом!

Караван судов подхватило и как-то легко, сразу понесло вперед. Немного извиваясь, эта огромная «змея» стала приближаться к полыхающим остаткам шлюзов.

– Лево руля!.. Право руля!.. Хорошо, Ваня!

Команды выполнялись быстро и четко.

Первая баржа вошла ровно по центру в освещенные по оба борта ворота. Вдруг раздался металлический скрежет. Капитан и помощник переглянулись: на лицах обоих выступили капли холодного пота. Только они знали, что было в трюмах «Сибири». Кажется, пронесло! Вошла «Москва». Нормально. Скорость стала возрастать. Вот уже и «Кремль» освещен с двух сторон так, что видны все заклепки и сварочные швы на его теле. Зарево отразилось в окнах его надстройки.

Потом весь караван изогнуло, как будто он скользил по огромной синусоиде, и он буквально вырвался из огня.

– Кажется, пронесло, Семен Семенович, – сняв фуражку и потирая ее козырек, произнес помощник капитана.

– Похоже, – ответил капитан.

– Ура! – вдруг крикнул Ваня-рулевой, и несколько голосов где-то внизу поддержали его: «Ура-а! Ура-а!»

Антонов тоже снял фуражку и, держа ее за козырек, вытер пот со лба рукавом.

Нервное напряжение немного спало. Все понимали, что одержали хотя и небольшую, но победу. Теперь был повод успокоиться и перевести дух.

– На что было похоже, Леша? – спросил Антонов.

– Мне что-то «аргонавтов» напомнило, – ответил помощник. – Как они между двух смыкающихся скал проскочили.

– Похоже. А мне... Как-то по телевизору видел сплав леса где-то в Карпатах. Плоты, связанные между собой. Бурная река. Их подбрасывает, как и нас недавно... Одна только разница... Какая, Ваня? – Антонов перевел взгляд на рулевого. – Ваня!

Парень смотрел по сторонам и как-то забылся.

– А? Вы меня, Семен Семенович?

– ...Рулевые у них на носу. А у нас?

– У нас... на месте, Семен Семенович! На посту! – выпалил Ваня.

Все рассмеялись.

Антонов поднял бинокль:

– Ваня, держи курс по огням.

– Есть.

Впереди каравана, указывая направление течения, плыли огоньки. Их было много, и их свет тянулся далеко-далеко. Это были отголоски взрыва и пожара. И они походили на светлячков в ночи.

– Леша, мобилизуй людей: возьмите фонари и загляните за борт «Сибири». Все ли там нормально? Не нравится мне тот скрежет. Помнишь?

– Сделаем, Семен Семенович.

– Да, еще. Пройдитесь по всем судам. Не дай бог пожар! Понял, да? – добавил капитан и вновь поднял бинокль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.